

Ирина Успенская

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. КОНТ
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ГЕРЦОГ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ирина Успенская

Практическая психология.
Герцог

Фэнтези • Интриги • Приключения

Роман

 Москва, 2016
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У77

Серия основана в 2011 году
Выпуск 211

Художник
Л. Клепакова

Успенская И.

У77 Практическая психология. Герцог: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2213-5

Храм разрывают склоки, а где-то там, на фронтире, опальный бастард последнего короля закладывает новый город, теряет союзников и обретает семью. Враги готовят для него камеру в самой престижной тюрьме и празднуют победу. Грядет время перемен. Время Разрушителя. Только назначенный на эту должность Алан Валлид ничего этого не знает. Он просто старается выжить в чужом для него мире. Выжить на зло богам, играющим собственную партию. И никто не знает, что в теле опального конта живет душа русской женщины. Женщины, которая привыкла сама выбирать свою судьбу.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ирина Успенская, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2213-5

*Авторская благодарность:
Ольге Макарецвой — за неизменный оптимизм и веру
в лучшее;
Веронике Горбачевой — за свежий взгляд
на психологию;
моей семье — за то, что не мешали.*

ПРОЛОГ

На этот раз они встретились на продуваемом северным ветром утесе, о подножие которого разбивались холодные свинцовые волны. Ледяной ветер гонял по небу низкие тучи и рвал свободные белоснежные одежды, прикрывающие тело златокудрого юноши с одухотворенным лицом. Он задумчиво смотрел вдаль, не замечая летящие соленые брызги и резкие порывы ветра. Его собеседник появился на широком мокром валуне, просто соткавшись из хмурого утра. На его губах сияла беззаботная плутоватая улыбка. Курчавый темноволосый мужчина, одетый в неизменную майку-алкоголичку и джинсы, весело сверкнул глазами цвета вулканической лавы и хлопнул юношу по плечу.

— Привет ангелам! — радостно воскликнул курчавый. — Или ты предпочитаешь называться светлым Ирием?

— Добрый день, Вася, или правильнее называть тебя темным Вадием? — вернул шпильку златокудрый. — Как работа?

— Было скучно, пока ты не попытался избавиться от одной деятельной души, — весело сообщил Вася и отбросил со лба волосы, обнажив два небольших рога. — Теперь едва успеваю вытаскивать задницу своего подопечного из всевозможных неприятностей.

— Ты не хочешь рассказать, зачем тебе женская душа в мужском теле? — Ангел внимательно посмотрел на собеседника, но босоногий черт только покачал головой. — Ты ведь знаешь, что слияние не произойдет само по себе? Виктория Викторовна Вавилова так и останется женщиной в мужском теле. Неужели тебе ее не жаль?

— Прошло сорок дней с тех пор, как мы перенесли ее душу в тело двадцатичетырехлетнего конта Алана Валлида, и пока ду-

ша прекрасно справляется. Алан провел реформы в своих владениях, присоединил земли двух баронств, заключил несколько военных союзов, нашел сына, собрал команду верных людей, обзавелся сильными врагами. — Вася гордо загнул очередной палец. — И еще он успешно отказывается от всех твоих предложений, Ксю. Так отчего я должен его жалеть? Он будет президентом, как и грозились Виктория! Парень сказал — парень сделал!

— Она упряма. — В голосе Ксю прозвучало недовольство.

— Алан не упрямый, он умный, целеустремленный и верный своим людям. Даже твоя небольшая шутка, которую ты подстроил ему с молодым игушем, не заставила эту душу вернуться в наш мир.

Ангел Ксю смутился, чем вызвал у черта взрыв неподдельного веселья.

— Я просто немножко усилил симпатию Виктории к этому молодому человеку. Не думал, что она влюбится, — начал оправдываться златовласый, но, увидев смеющиеся глаза собеседника, разозлился. — А ты заставил ее заключить сделку с дьяволом!

— О да, — мечтательно протянул черт Вася. — Вскоре Алан Валлид займет трон, а я буду стоять у него за правым плечом.

— Этому не бывать!

— Интересно, — протянул Вася, — каким образом ты лишишь разумное существо привилегии выбора? Это нарушение конвенции.

— Мы с тобой ее нарушили, когда отправили душу Вавиловой в недоразвитый мирок, переживший экологическую катастрофу, в тело опального бастарда короля. Так что отвечать будем вместе, — ехидно напомнил собеседнику ангел.

— Раз премии нам не видать, я оставляю за собой право помочь моему другу Алану определиться. — Тот, кто выдавал себя за черта, лукаво склонил голову набок. — Наше пари остается в силе? — Дождавшись кивка Ксю, Вася довольно сощурился. — Тогда по нектару? Я знаю здесь за углом, всего в нескольких парсеках, шикарное заведение.

— Ты всегда меня поражал своими знаниями «зауглов». Если только по одному стаканчику. И учти, друг, я тоже не буду стоять в стороне.

Через секунду они исчезли, оставив после себя легкий запах серы и ночных фиалок, но и его спустя мгновение унес порыв зимнего ветра.

ГЛАВА 1

У меня спросили, слышат ли боги нас, жалких букашек, спящих у их ног? Разве есть им дело до наших низменных желаний и просьб? И я ответил: «Лишь тех слышат боги, кто отдает себя служению, кто беззаветно и искренне взывает к ним во имя всех и каждого, кто сам трудится ради своей мечты, а не ждет помощи Небес».

Из проповеди Приближенного Ордена Взывающих

Узкая лодка, лавируя между выступающих из воды скал, удалялась от берега. Сильное землетрясение, случившееся в этих землях несколько столетий назад, разрушило прибрежную гору, и теперь ее осколки густо усеивали дно небольшой бухты. Брат Алвис из Ордена Искореняющих, Длань Храма, сидел на корме, медленно пропуская между пальцами концы белой корды, подпоясывающей сутану. Это помогало думать. Взгляд вернулся к фигуре Алана Валлида, с которым они попрощались некоторое время назад. попрощались тепло, хотя оба понимали, что их интересы в данный момент лежат в совершенно разных плоскостях. Алан так и не сказал Длани о своих планах на будущее, на вопросы отвечал расплывчато, отшучивался и быстро менял тему.

Ксен недовольно покачал головой, когда конт Алан Валлид попытался снять кольчугу, и вздохнул с облегчением, заметив, как его телохранитель Иверт остановил неугомонного конта. Такое пренебрежение к собственной жизни было Искореняющему непонятно. Сидит на открытом пространстве, словно он бессмертен. Крикнуть, что ли? Или еще раз проверить, насколько расположен темный бог к этому странному человеку? Алвис прищурился, перестраивая взгляд. Вокруг конта все так же сиял белый ореол, но сейчас ксен видел и огромные черные

крылья, расправленные за спиной мужчины. Эти крылья появились совсем недавно, после освобождения конта из плена. Точно такие же крылья Алвис видел за спиной своего Учителя и такие же, если верить тому же Учителю, должны были быть у него. Знак благосклонности Вадия. Алвис задумался, стоит ли рассказывать наставнику о странностях, которые он заметил в Алане Валлиде, или пока не спешить и использовать конта в собственных интересах? Учитель утверждал, что отошел от дел, но он знал, что старик пристально следит за жизнью на материке.

Вдоль берега цепочкой выстроились воины капитана Рэя, несколько лучников расположились на прибрежных склонах. Конт сидел на огромном валуне, наполовину скрытом водой, согнув одну ногу и пристроив подбородок на скрещенные руки, свободно лежащие на колене. Он каждый день приходил сюда, и Алвису очень хотелось бы знать, о чем думает Алан, подолгу глядя на воду. Недалеко стоял игуш Иверт, добровольно взявший на себя роль телохранителя конта, а на соседнем камне лежали и смотрели в небо секретарь Алана — Турен Ли, бывший маркиз Вас'Хантер, а ныне раб, и юный виконт Дарен, признанный контом сыном и наследником. Мысли Алвиса перескочили на Тура, он уже продумал предварительный план, как можно в дальнейшем использовать мальчишку, но сейчас размышлять об этом не хотелось. Иверт что-то сказал, Алан повернул к нему голову, улыбнулся и протянул руку. Горец, перепрыгивая с камня на камень, приблизился к черноволосому мужчине. Похудевший конт издали казался очень хрупким и ранимым. Алвис и раньше, несмотря на крепкое телосложение, замечал в нем некую изящность, — плавные движения, легкий шаг, мягкие жесты. Иверт, ухватив конта за руку, помог ему подняться. На мгновение они замерли рядом, и в белом ореоле вокруг тела Алана вспыхнули розовые всполохи. Алвис понимающе кивнул, он давно подозревал это. А горец? Ксен перевел взгляд на игуша. Нет, горец абсолютно спокоен. Неужели не замечает? На какой-то миг взгляд Искореняющего словно затуманился и на месте конта ему почудилась невысокая хрупкая женщина в необычном наряде. Моментально разболелась голова, и он несколько раз сильно моргнул, прогоняя наваждение и возвращая зрение в нормальный режим.

Алвис окинул взглядом высокие скалы, разбросанные в воде на приличном расстоянии от берега, добраться до них можно

было только в плыв. На одной из скал мелькнула фигура человека с луком в руках. Мелькнула и пропала, но Искореняющий на всякий случай подтянул к себе изогнутый лук горцев — подарок Ведмеда, знак признательности за помощь. Ксен усмехнулся и полез в сумку за тетивой. Помощь! Говоря откровенно, люди Алана появились очень вовремя и избавили Длань от множества проблем. На скале может находиться воин Рэя, а может — кто-то из недобитых наемников. Не всех удалось взять. Несколько человек исчезли, поэтому расслабляться было нельзя. Он сейчас слишком хорошая мишень. Алвис пересел за щит, закрепленный у левого борта, и приготовил стрелу.

Кто же ты такой, кир Алан конт Валлид? Эту загадку оказалось очень интересно разгадывать, поэтому ксен с большой неохотой покидал фронт. Но приказ Наместника звучал лаконично — герцог Вас'Хантер. И Искореняющий с ним согласился: герцог стал слишком самостоятельным и решил сыграть за спиной Храма.

Предчувствие заставило вскочить на ноги и развернуться в сторону скалы, на которой он заметил лучника. Лодку сильно качнуло, но ксен успел послать стрелу. Они выстрелили одновременно — неизвестный стрелок и Длань. Стрелок с пробитым горлом упал в воду, а Алвис боковым зрением успел выхватить момент, когда конт резким движением развернул игуша вокруг себя и закрыл его своим телом. Стрела с черно-красным оперением, пробив кольчугу, вошла в плечо Алана. Значит, покушались на горца, не на конта. Первым желанием было развернуть лодку обратно к берегу, но ксен сдержался. Эхо разносило над водой обрывки фраз, некоторые слова Искореняющий смог уловить и понял, что Алан в ближайшие часы умирать не собирается. «Смертельно раненные люди обычно не орут, поминая Вадия и потрясая кулаком, а красиво падают в объятия соратников и возлюбленных», — иронично подумал про себя ксен, представив, как Алан Валлид, картинно прижав ко лбу руку, падает в объятия игуша. Это было смешно.

«Иверт должен конту еще одну жизнь», — хохотнул про себя ксен, поднимаясь на борт небольшого корабля. И если он хоть что-то понимает в горцах, Алана ждет сюрприз.

Виктория смотрела, как лодка, несущая на своем борту брата Алвиса, удаляется от берега. На соседнем камне грелись на

солнышке ее сын и секретарь. Виконт-крестьянин и рабгерцог. Мальчишки, заменившие ей семью, оставшуюся где-то на далекой Земле. Чужой мир, чужое солнце, чужое тело.

Прошло два месяца с тех пор, как ее душу забросило в этот мир, в тело опального бастарда последнего короля — конта Алана Валлида. А такое чувство, что прошло несколько лет. Шок от осознания того, что после долгих лет существования женщиной, после замужества, рождения трех сыновей, смерти, посещения места, жутко напоминающего библейское чистилище, она очнулась мужчиной — сменился упрямым желанием выжить. Выжить всем врагам назло! Выжить и быть счастливой!

Она перевела взгляд на Иверта. Еще одна головная боль. Влюбленность в этого зеленоглазого мужчину. Очень странная любовь. Наваждение. Даже в самом страшном сне она не могла подумать, что в свои годы сможет влюбиться в человека, которого видела всего несколько минут. Избитого, умирающего, незнакомого. Врага. Мужчину, который до сих пор оставался для нее загадкой и которого она совершенно не знала. Скрытного, незаметного, настороженного. Даже сейчас она не могла сказать, какой Иверт на самом деле. Даже брат Искореняющий с его тайнами и интригами ей был более понятен, чем этот горец. Как такое могло произойти? Неужели сработал эффект молодого тела? Хотя... после разговора с местными богами у нее начали закрадываться подозрения, что без Ирия здесь не обошлось. Слишком уж неожиданной и нетипичной для нее была эта любовь. А Ирию очень хотелось, чтобы она вернулась в женское тело.

Черт! Стрелок! Крикнуть времени уже не хватило...

У! Как больно! Чтоб вас там подняло и прихлопнуло! Рэй же сказал, что поставил на скалах своих людей! Где эти люди? Ага! Появились! Зар-раза!

— Иверт, вылови труп. Надо посмотреть, кто это такой. Дарен, не бледней! Вытащим стрелу в замке, пусть пока торчит. Идите сюда, я на вас обопрусь.

Все произошло мгновенно, она не успела предупредить горца, а отпихнуть его с траектории полета стрелы было просто некуда. Вокруг обломки скал, падение на которые привело бы к смерти вернее, чем попавшая в плечо стрела. Именно из-за скал в этих местах и не мог пришвартоваться к берегу ни один корабль. По узкому проходу между нагромождениями

каменной имела шанс пройти только лодка, да и то не всякая. Но даже такая бухта являлась подарком Ирия. Практически все побережье покрывали высокие горы, уходящие в воду, и лишь в нескольких местах можно было подойти к берегу. Наконец-то Викторией удалось разгадать тайну почты храмовников. Письма им доставлялись по морю, что намного быстрее, чем посылать верхового гонца.

Спасибо, Алвис. Первое, что она увидела, — лук в руках у ксена, и только потом, проследив за его взглядом, заметила стоящего на скале стрелка. Все остальное тело выполнило само, без участия мозга. Ничего, сейчас потихоньку доберемся до замка, и там...

...«и там» Виктория уже не помнила. Ослабленный предыдущими травмами организм решил, что еще одна дырка — это уже слишком, и выключил свет, как только они ступили на тропу, ведущую в замок Линь.

Виктория открыла глаза и осторожно села. На простыне оказалось большое кровавое пятно. Тугая повязка на плече пропиталась кровью и сковывала движения, но она не собиралась в ближайшую десятницу махать мечом, поэтому приняла еще одну рану как неизбежное зло. На фоне всего, что ей пришлось пережить, это были мелочи. Только не мешало бы перевязать.

После того как Иверт вынес бесчувственное тело конта из пыточной, Алан провалялся в беспамьятстве пять дней, а затем еще десятницу пролежал в кровати, залечивая ожоги и многочисленные травмы.

Иногда конт приходил в себя, чтобы мутным взором увидеть сидящего у кровати верного Берта и выпить горький отвар, который для него готовил лично Искореняющий. Однажды в такую короткую минуту просветления сознания конт потребовал, чтобы его отнесли к Нанни — попрощаться.

Ничего этого Виктория не помнила. Она не видела, как прибывший из Крови брат Турид отпустил дух Нанни, приняв у Берта красную свечу, зажженную от погребального костра. Без конта прошли допросы и казни заговорщиков. Без него брат Алвис отправил воинов разыскивать дочерей конта. Привезли только одну, вторая была слишком мала, и мать ее не отдала. Когда Алан в очередной раз пришел в сознание, Искореняющий поинтересовался, не хочет ли он признать дочь? Виктория смутно помнила черноглазую девочку, перепуганную и

заплаканную и свое незамедлительное согласие. Только имя у девочки было слишком простецкое, и конт потребовал, чтобы ее назвали Василисой. Почему Василисой? А кто его знает, что пришло на ум больному воображению, но Искореняющий согласился, и девочку нарекли на местный манер — кирена Василия виконтесса Валлид. Виктория дрожащей рукой подмахнула бумаги, дав себе зарок разобраться со всем, когда будет чувствовать себя лучше, и благополучно уснула, выпив настойку брата Алвиса. Пользуясь своей властью, Длань выдал девочку замуж за сына Линя, после чего сразу отправил Василию в Кровь, заявив, что первая брачная ночь возможна только после того, как жене исполнится четырнадцать лет, но никак не раньше. Перечить ему никто не стал, а через несколько дней новый барон Линь был найден мертвым. Он отравился. Так виконтесса стала баронессой и вдовой, а замок на законных основаниях перешел к ее отцу до той поры, пока он вновь не выдаст дочь замуж.

Тур потом рассказал конту, что Рэй ослушался приказа господина и не дал Кайрату Линю умереть легко и что эхо разносило вопли барона по горам на протяжении нескольких рысок. Рассказал, что капитан заставил предательницу Олику смотреть на муки ее любовника, и теперь она ждет суда владетеля в подвале замка. А еще поведал о том, что Искореняющий лично готовил для конта еду, никому не позволяя притрагиваться даже к посуде, пока из Крови не приехала Райка в сопровождении Оськи и Кусь. Райка моментально построила всех — от Рэя до местных кухарок, деятельный шут нашел тайник с женскими украшениями, а тау покусала Гихарда Ведмеда, когда тот попытался пройти к конту в спальню. Рабы же Линя, после того как Оська расписал им перспективы, все как один умоляли оставить их в собственности Валлида.

Все эти события Виктория благополучно пропустила. Но, даже придя в себя, столкнулась с излишней заботой со стороны окружающих. Райка и Рэй объединили усилия и, видно, решили довести конта до смерти через обжорство. Стоило открыть глаза, как раздавался голос Берта:

— Господин, тетка Райка вам пирожков свежих испекла. Вы пока перекусите, а я прикажу, чтобы рыбу пожарили. Люди Гихарда в море выходили.

Или слышался голос Алвиса:

— Ни о чем не думайте, кир Алан. Сейчас ваше вмешательство может только навредить расследованию. Выздоровляйте.

Или докладывал Иверт:

— Ведмедь просит для своих людей разрешения пять дней из десяти выходить в море через бухту. Я передам ему твое решение, ты сам не вставай с постели.

Или сообщал брат Взывающий:

— Кир Алан, мы открыли храмы в ваших весках, и мои Слушающие уже провели первые взывания. Мой сменщик скоро придет, но пока вы не выздоровеете, я не покину Кровь. Сейчас я займусь, как вы говорите, ревизией и возьму в помощь местного Взывающего. Он хороший человек, брат Искореняющий его проверил. Ни о чем не беспокойтесь, помощников хватает.

Или возникал Оська:

— Алан-балан, хочешь я тебе песенку спою? А ты за это выпьешь эту мерзкую настойку.

Виктория улыбнулась, вставая с кровати. Теперь уже все позади. Наместником в замке она оставит Серого, он же будет капитаном местного гарнизона. Останется только обсудить некоторые вопросы с горцами и решить, кого из воинов взять на службу. Алвис отобрал два десятка, но нужно глянуть.

Она успела натянуть штаны и сапоги, еще больше разбередив рану на плече, когда дверь распахнулась и в комнату стремительно вошел Иверт. Горец нагнул голову в легком поклоне и недовольно поцокал языком:

— Эй, Бешеный Алан, зачем ты встал? У тебя рана открылась, а Берг с Райкой ушли к морю. Сядь, я перевяжу.

Иверт недолго думая стянул с себя рубашку и споро нарезал из нее полос. Виктория при взгляде на его обнаженный торс начала было протестовать, но, поймав снисходительный взгляд, решила, что горцу виднее, что там у нее с плечом. Может быть, и правда все трагично. Боли она не ощущала, но это ни о чем не говорило. Алвис оставил конту один из своих пузырьков. Очень эффективное обезболивающее. Иверт, что-то тихо напевая, разрезал повязку и бросил на пол окровавленные тряпки.

— Тебе повезло, что ты не снял кольчугу и стрела прошла по касательной. Дырка небольшая, швы на месте, — сообщил он, внимательно осмотрев рану.

Через несколько минут конт сидел с новой повязкой и в застегнутой рубашке, наблюдая, как Иверт придирчиво перебирает пирожки, горкой выложенные на блюдо. Смотреть на это было очень приятно и волнующе. Иверт, наконец-то выбрав пирожок, жадно откусил от него и присосался к кувшину с вином.

— Бешеный Алан, скажи, почему Райка только для тебя печет пирожки с ягодой? — довольно улыбнулся игуш, вытерев рот тыльной стороной ладони.

— Может быть, она меня любит? — усмехнулся конт, опуская голову.

— Ты второй раз спас мне жизнь. — Иверт стал серьезен, он подошел ближе, присел перед Аланом, положил руки ему на колени и заглянул в лицо.

Сердце сделало кульбит и застучало с удвоенной силой.

— Кто это был? — хрипло спросил конт и закашлялся, чтобы скрыть дрожь в голосе.

Предчувствие чего-то необратимого разлилось в воздухе. Виктория старалась оттянуть этот момент.

— Наемник. Ему все равно, кого убивать, тебя или меня. Кстати, их было двое. Второго нашли люди Гихарда. Алан, тебе нужно взять игушей на службу. Никто лучше нас не защитит тебя в горах.

Иверт поднялся на ноги и прошелся по комнате. Виктория его не слушала, она исподлобья следила за мужчиной и не могла оторвать взгляда от плеч со шрамами, от волос, небрежной волной рассыпавшихся по обнаженной спине. Мысли ее были совсем не об отряде горцев. Иверт Ураган. Стремительный, независимый, загадочный, живой. Недостигаемый, но такой желанный.

Иверт тряхнул распущенными волосами. От этого движения по телу пронесся горячий шквал. Виктория встала и сделала шаг к замершему у окна горцу, протянула руку и... едва успела ее отдернуть, когда Иверт резко обернулся.

— Бешеный Алан, я говорил с отцом. Он поддержал мое желание служить тебе. Я останусь с тобой до тех пор, пока не посчитаю, что мой долг крови выплачен полностью.

Они стояли друг напротив друга, в глазах горца Виктория искала нежность и сострадание, но видела лишь спокойствие и ожидание ответа.

— Назначь день, когда ты примешь мои клятвы.

О какой клятве он говорит? Разве это ей сейчас нужно? Разве горец не видит, не чувствует? Неужели он так слеп? Мысли метались, мешая сосредоточиться, и не желали уходить. По телу пробежали волна за волной и собирались в воронку внизу живота. Иверт что-то говорил, но Виктория не слышала, она лишь видела шевелящиеся губы, к которым ей так хотелось прильнуть. Сосредоточиться! Взять себя в руки. Это просто стресс, просто накопившаяся усталость — физическая и моральная. Одиночество. Но это пройдет! Должно пройти! Так отчего ей захотелось заорать в лицо мужчине о своих чувствах? Виктория сделала шаг в сторону и нащупала меч, прислоненный к стене. Последнее время она использовала Разящий как трость. Зеленые глаза немного растерянно, не мигая, смотрели в серые, и от этого взгляда хотелось бежать. Куда бежать? Зачем? Ведь она выбрала мужскую жизнь! Она выбрала мужское тело! Она отказалась от своей любви, когда заключала сделку с Вадием!

— Иверт, уйди, — тихо произнес конт.

Воздух в комнате стал вязким, ей стало тяжело дышать, желудок сжался от ожидания.

— Эй, Алан, что случилось? Тебе плохо? — встревоженно произнес игуш, делая шаг вперед.

— Мне плохо, — едва слышно прошептал конт, но Иверт услышал.

— Позвать Рэя? Что с тобой? Где болит? — Он обнял конту за плечи и легонько подтолкнул к кровати.

Виктория покачнулась от нахлынувших на нее эмоций и чувств. Она едва сдержалась, чтобы не вцепиться в мужчину двумя руками.

Нет, она никогда не сможет ему признаться. Никогда. Почему бы горцу сейчас не уйти? Что он хочет услышать? Что она обманула саму себя, когда заключила сделку с Вадием и поклялась жить в этом ненавистном мужском теле? Безнадежная тоска поднялась со дна души и поглотила разум.

— Алан, тебе нужно лечь. Тебя трясет! Хочешь, я пришлю служанку, чтобы согрела постель?

— Зачем мне служанка, когда есть ты?

Но Иверт никак не отреагировал на эти слова Валлида, только бросил на конта быстрый внимательный и немного виноватый взгляд, и от этого Виктории показалось, что чувство одиночества стало осязаемым, оно протянуло к ней свои щупальца, сжимающие сердце.

Наконец они добрались до кровати. Виктория тяжело села, оперлась на меч и оттолкнула руку горца.

— Нет! Я не хочу служанку! — прорычала, чтобы сказать хоть что-нибудь. Чтобы не разрыдаться и не начать крушить все вокруг.

«Иверт, неужели ты так слеп? Я еще смотрю на кого-нибудь так, как на тебя? — тоскливо подумала Виктория. — Мне никто больше не нужен. И... ты больше не нужен».

Она который раз пыталась убедить себя, что сможет забыть эту шальную ненужную любовь, так усложнившую ее жизнь. Она уговаривала себя и сама себе не верила. Женщина чувствовала себя мухой, завязшей в паутине. Неизбежная безысходность. Ненужные мысли. Болезненные и жестокие. Может быть, оно и к лучшему? Может быть, ей нужно было это понять? Она ведь сама выбрала. Сама отказалась от предложения Ирия, так чего она ожидала? На что надеялась? Ее удел — одиночество. Долгие годы одиночества. Пустота, холод, страх потери.

— Уйди, — холодно произнес конт.

— Алан...

«Все очень сложно, Иверт, — подумала Виктория. — Но я справлюсь».

Она чувствовала, как черная тоска заполняет ее глаза, и не хотела, чтобы Иверт это видел. Не хватало еще, чтобы он начал ее жалеть! Меч уткнулся горцу в бок.

— Уйди! — зло выкрикнул конт, вскакивая с места. — Убирайся!

«Дай наконец поплакать без свидетелей! Не можешь посочувствовать, так не мешай!» — Виктория изо всех сил оттолкнула от себя Иверта.

— Эй, не маши мечом! У тебя рана откроется! — Горец отступил на шаг.

Заботливый! Женщина почувствовала, как на смену тоске приходит злость.

— Я сказал, убирайся! — заорал конт, взмахнув мечом. На пол полетел разбитый кувшин. Следующий взмах — и кружки

разлетелись на множество осколков. — Еще одно слово, и твоя голова отделится от тела!

...— Что случилось? — Рэй остановился возле сидящего в коридоре на полу Иверта. — Что это за шум?

— Там случился Бешеный Алан, — флегматично ответил горец, не открывая глаз. — Мне кажется, он добрался до кровати.

Рэй приоткрыл дверь.

— Вина! — послышался голос конта. — И чтобы никто не беспокоил!

Стол развалился после шестого удара, кровать оказалась крепче. Но и ей досталось. Скрипя, рухнули столбики, поддерживающие балдахин, закружились в воздухе перья. Со звоном разлетелось на множество осколков небольшое зеркало, такая же участь постигла и единственное окно.

Слуга, принеший вино, поставил его на пороге и быстро захлопнул двери, увидев, как в его сторону летит клинок.

— Еще вина!

После третьего кувшина из стены вышел Ирий, отчего-то облаченный в древнегреческую тогу.

— О, Зевс пожаловал! Стань здесь, я буду тебе морду бить.

Виктория хмуро подняла кувшин и отхлебнула большой глоток вина, не утруждая себя поисками чашки.

— За что? Я ведь предлагал тебе женское тело. И предупреждал, что ты поспешила с выбором. Но все еще можно переиграть. Подпиши бумаги и умри.

Умереть! Точно! Как она сама не догадалась? Это ведь так просто — умереть. Забыть, не помнить, не думать. Может, броситься на меч, как римские гладиаторы? А где меч? Виктория обвела рассеянным взглядом комнату. Где-то был, она точно помнит, что меч валялся под ногами и она отшвырнула его куда-то в сторону. Но разве в этом бардаке найдешь! Слуги совершенно распустились. На конюшню всех! Выпороть! О! У нее есть пояс. Красивый и крепкий, можно повеситься. Только к чему его привязать? Виктория поднялась на ноги и, шатаясь, подошла к двери. Открыла ее, увидела сидящего у стены Иверта и со злостью захлопнула дверь. А вот фигу! Она показала двери кукиш. Не дождешься!

— Правильно, — сказал Ирий и превратился в Вадия. — Давай лучше выпьем. А почему ты ему не сказала, что любишь?

— Потому что я не такая! Не голубая, короче! Я просто хотела, чтобы меня любили. И все. И ничего больше. А он! — Конт перевернул кувшин, потряс им и разочарованно вздохнул. — А где этот гад, который обещал мне счастье? Где твой светлый брат?

— Без понятия.

— Вина! Еще!

Потом они с Вадием пели. Грустную песню о неразделенной любви. Потом Виктория вроде уснула. Ненадолго, а когда проснулась, вновь потребовала вина.

— Представляешь, он мне служанку предложил! Мне! А я отказалась, и теперь он, наверное, думает, что я этот... нетрадиционный? А я нормальный!.. Нормальная!.. И я это сейчас докажу! Вина и девку!

— Ну что, буянит? — Рэй приоткрыл дверь и заглянул в щель. — С кем он разговаривает? В комнате никого нет.

Иверт безразлично пожал плечами.

— Он на стене рожу нарисовал углем, с нею и разговаривает. Вторые сутки пьет и ничего не ест, мало ли, что ему чудится. Потребовал девку, а когда она пришла, заставил ее раздеться и выгнал. А после, — игуш тихонько рассмеялся, — выглянул и обиженно заявил мне, что девка волосатая, а он терпеть не может волосатых баб.

— Он от пыток еще не отошел, а тут опять голодает. И повязка вся в крови, — с болью в голосе произнес Рэй. — Может, как заснет, попробуем его связать?

Иверт только хмыкнул в ответ на это предложение.

— Ну да, глупость сказал, — со вздохом согласился Рэй. — Но что-то надо делать, пока он не начал духов голыми руками ловить.

Иверт плавно поднялся и кивнул на дверь.

— Теперь ты карауль, Молчун. Я знаю, что надо делать.

— Вина!

Сколько времени она пьет? И зачем? А! Потому что ее никто не любит и не жалеет. Она всем нужна лишь для того, чтобы... чтобы... Не нужна она никому! Никто даже не пришел узнать, как она! А может, она уже того... повесилась или умерла с голода. Где-то были пирожки... Какая гадость!

От мыслей о еде желудок свели спазмы, и Виктория едва успела добраться до угла комнаты, где слуга поставил ведро. Как мерзко во рту. Надо запить.

— Вина!

Почему никто не принес вина? Где Иверт? Где этот предатель? Виктория распахнула дверь, но вместо Иверта увидела сидящего на стуле Рэя. Рядом с ним на полу стояли кувшины с вином.

— О! Рэй! Приказываю переименовать замок! Теперь он будет называться «Осколки моего сердца»! Выполнять! — С этими словами конт схватил кувшин и, шатаясь, исчез в комнате.

Стук в дверь застал Алана сидящим на обломках кровати и тупо смотрящим в окно. Ночь. Кто-то стучит. Дятел. Или белочка? Маленькая белочка вместе с песком. Они пришли спеть конту колыбельную. Не дождавшись разрешения, в комнату вошла девушка с подсвечником в руках. Она, осторожно перешагивая через обломки мебели, прошла к окну, поставила на подоконник подсвечник и, мягко ступая по усыпанному мусором и соломой полу, приблизилась к Алану. Тот поднял на нее глаза.

— Зира, — грустно улынулся конт. — Меня никто не любит.

Девушка присела рядом, взяла конта за руку и, положив голову ему на плечо, тихонько что-то сказала. Ее тонкие пальчики гладили руку Алана, она что-то говорила, и истрадавшаяся по ласке душа оттаивала от звуков ее голоса.

Алану вдруг стало стыдно за грязные штаны, окровавленный и оцарапанный голый торс, за лохматые нечесанные волосы, за щетину и синяки, за свою несдержанность и слабость. Он хотел крикнуть, чтобы позвать слуг, но побоялся спугнуть мгновение нежности, возникшее между ними.

Мужчина прижал к щеке девичью ладонь и заговорил, повторяясь и заикаясь, путая русские слова с местными.

— Зира, оказывается, мне тебя не хватало. Знаешь, я ведь не пьяница. Просто мне стало так тоскливо. Я испытал столько боли, а меня никто даже не пожалел. Никто не прижал к себе, никто не погладил, не обнял. Я ведь не прошу многого, только немножко ласки и нежности. Раньше меня жалела Нанни, а теперь ее убили. — Алан пьяно шмыгнул носом, сглотнул сле-

зы. — А больше никто меня не жалел, — повторил он. — Ты знаешь, я ведь не мужчина. Я женщина, просто боги меня зачихнули в это тело. И я влюбилась в твоего брата, а он... он меня не любит. Совсем не любит. Я знала, что так будет, и не надеялась. А может, и надеялась. Ведь мы все нуждаемся в том, чтобы нас любили. Просто так, за то, что мы есть. Правда? Жаль, что ты не можешь мне ответить. Мне кажется, что ты бы поняла и приняла меня.

Зира обняла конта и осторожно поцеловала в глаза, потом в лоб, щеки и губы. Он умиротворенно вздохнул и опустил голову ей на колени. Девушка гладила черные спутанные волосы, а Алан продолжал:

— Ты не представляешь, как тяжело притворяться тем, кем ты не являешься. Как сложно быть мужчиной, когда у тебя женская душа.

— Предки иногда шутят, путая тела, — тихо произнесла Зира. — Но ты — Алан Валлид, еще больше мужчина, чем мой отец. Просто ты немножко не такой, как все.

Конт резко сел и сразу почувствовал головокружение и тошноту.

— Ты разговариваешь на языке равнин?

— Конечно, — улыбнулась Зира. — Язык врага нужно знать.

— Но почему ты не сказала мне об этом в прошлый раз?

— А разве ты хотел со мной говорить? Сегодня ты захотел, и я разговариваю с тобой.

Ой, ой! Что же ты наговорил, пьяный конт Валлид?

— Не волнуйся, я не поняла половины сказанных тобой слов, — тихо рассмеялась Зира. — Ты очень загадочный, Бешеный Алан. — Она провела кончиками пальцев по губам мужчины.

— Пусть это будет наш с тобой секрет, — прошептал Алан, целуя нежные пальчики.

Последнее, что он запомнил, это склонившееся над ним лицо Зиры и ее тихий шепот:

— Спи спокойно, я буду охранять твой сон до утра.

А утром девушки в комнате не оказалось, и лишь серебряный кулон в виде маленькой бегущей ласки на витой нити говорил о том, что Зира конту не привиделась. Он надел кулон на шею и распахнул дверь. Хватит предаваться жалости к себе, пора заняться делами.

— Баню. Завтрак. Потом доклад. В обед выезжаем в Кровь. Судить Олику будем дома.

Однако выехать им удалось лишь через несколько дней.

Алвис перед своим отъездом настоятельно рекомендовал Алану перебраться в Линь. Удобное месторасположение, близость к морю и удаленность от главных трактов делали замок почти неприступной крепостью. Им просто повезло, что за стенами Линя находился союзник, иначе Рэю вряд ли удалось бы спасти своего воспитанника. Однако Виктории замок не понравился. Совершенно. Трехэтажное серое мрачное строение с узкими окнами-бойницами, обнесенное широкой каменной стеной с башнями. Рабочие пристройки находились за стенами замка, и все, кроме конюшен, выглядело так, словно лепилось из того, что было под рукой, и предназначалось на один сезон. Особенно удручающими на фоне окрестных пейзажей выглядели барак для рабов и дом для прислуги. На территории замка постоянно проживали воины и несколько доверенных слуг, остальные на ночь покидали стены Линя. Везде царил нищета, лишь крыло, в котором располагались покои барона и его сына, изобиловало роскошью. Ковры, гобелены, добротная мебель, огромные кровати, изысканная посуда и оружие, богато украшенное камнями и чеканкой. И украшения. Много женских украшений. Виктория уже знала, что Кайрат не планировал надолго оставаться на фронтире и заранее перевел свои богатства в более удобный для транспортировки вид. Ему было обещано место начальника канцелярии при дворе короля Айро Третьего.

Пока конт лежал в постели, Тур читал ему допросные листы. Алвис поделился сведениями, правда, очень дозированно. О самом заговоре, о том, кто его спонсирует и кто является идейным вдохновителем, ксен ничего не сказал. В тех документах, которые попали в руки Алана Валлида, в качестве главного злодея фигурировал герцог Вас'Хантер. Но Виктория не была недалеким опальным контом с фронта, который мог бы проглотить эту информацию. Она умела думать, слушать и сопоставлять факты. А факты говорили о том, что у этой истории растут ушки, и растут они из Храма. Слишком затратное дело дворцовые перевороты. Собрать армию вдали от Наместника, разослать людей на поиски подходящего человека, подкупить знать, заплатить тем, кто распускает сплетни,

найти козла отпущения в лице герцога — недешевое мероприятие. А значит, терять бдительность не стоит.

А еще рядом с замком находились выпарные пруды горцев. Соль здесь добывали способом, известным на земле более четырех тысяч лет. Именно на озера первым делом потащили Алана вожди игушей. Гихард, сопровождаемый тремя старейшинами, радостно потирал руки.

— Надо углубить, закрепить края, почистить канавы, и можно заливать воду, — внимательно осмотрев все пять пересохших прудов, заявил один из старцев, довольно поглядывая на Гихарда.

— Стоп! — Конт поднял руку. Ага, как же! Горцы будут обогащаться, а он — стоять в сторонке? — А как вы собираетесь отправлять соль на континент?

— Перекупщики. — Гихард внимательно поглядел на Алана. — А давай-ка мы обсудим этот вопрос в тени сребролиста за наполненными бокалами. Заодно познакомишься с моей старшей дочерью. Красавица! — причмокнул вождь губами, подмигнув обреченно вздохнувшему конту.

Иверт за спиной Алана тихо засмеялся. Смешно ему. Вот и женился бы! И Сарх, и Ведмедь так и не оставили желания подсунуть холостому хозяину Крови еще парочку девушек. Даже маркиз Генри Раман осторожно посоветовал конту взять в дом одну или двух дочерей горцев. Конечно, не в качестве официальных жен, а как матерей своих детей. Вокруг Алана постоянно крутилось несколько зеленоглазых красавиц. Но ни одна из них не тронула сердце конта. Он улыбался девушкам, но глаза при этом оставались печальными. Иверт это замечал, и все чаще на лицо телохранителя набегала тень. Зира ничего не сказала брату, только грустно сообщила, что сердце конта разбито из-за неразделенной любви. Виктория покосилась на Иверта. Разговор между братом и сестрой подслушал Оська и тут же сообщил о нем конту за пирожок с малиной. В тот момент, когда шут рассказывал о беседе, Виктория молилась всем известным богам, чтобы Зира не выдала ее секрета. Иначе... она даже не представляла, как бы смогла смотреть в глаза своему телохранителю. Иверт все же принес конту клятву верности и теперь не отходил от Алана ни на шаг — зорко следил за окружающими. Они с Рэем сами обо всем договорились. Капитан вздохнул с облегчением, когда рядом с контом замаячила стройная фигура горца, и полностью переключился на дела

гарнизона Осколка. Да, замок теперь назывался так: «Осколок моего сердца». Как и приказал господин Алан Валлид. Но для краткости все называли его просто «Осколок». Виктория смутно помнила об этом своем приказе, но название ей приглянулось. Она не хотела, чтобы хоть что-то напоминало о бароне Кайрате. Вот только сожаление о его сыне иногда мелькало в душе. Может быть, из мальчишки вырос бы нормальный человек? Теперь она об этом никогда не узнает. В то, что парень отравился сам, Виктория не верила. Слишком хорошо она успела узнать методы Алвиса. Не одобряла, но понимала.

Алан при помощи Иверта забрался в коляску — ездить верхом он пока еще не мог, и Берт на пару с вездесущим Оськой раскопали где-то старую дребезжащую двуколку. Они ее вымыли, смазали скрипящие оси жиром, устлали внутри коврами и подушками, запрягли серо-голубого понурого ослика, в гриву которого шут впледел цветные ленты, и торжественно вручили поводья смеющемуся конту, предварительно украсив их цветами и колокольчиками. Ну прям свадебный возок. Когда Виктория попыталась возмутиться по поводу пестроты и нарядности упряжи, Берт непонимающе заявил: «Так красиво же, сразу видно — господин едет». Теперь, когда начинали звенеть колокольчики, все в Осколке знали — Алан Валлид куда-то отправляется.

Они направились к замку, и Виктория следила за Гихардом Ведмедем, который ехал рядом верхом на своей рыжей кобыле и внимательно слушал увлеченно размахивающих руками старейшин. Она до сих пор не поняла, что он за человек. Гихард ходил по замку, как старый еврей по доставшейся ему в наследство ювелирной лавке. Он щупал стены, открывал и закрывал двери, заглядывал во все закутки и задавал массу вопросов слугам и рабам. Брат Турид записал его в шпионы и несколько раз приходил к конту жаловаться на любопытного горца, Рэй косился на игуша с недоверием, Кусь рычала, а Райка презрительно игнорировала. И только довольный неугомонный Оська таскался следом, составляя Ведмедю компанию во всех его изысканиях, а вечером на стол конта ложился доклад шута, написанный аккуратным почерком Тура. Пока горец не сделал ничего такого, чтобы заподозрить его в измене. Но на замок он смотрел взглядом хозяина, и это немного напрягало. Иверт отзывался о нем как о старом хитром лисе, с кото-

рым нужно держать ухо востро, но уверял, что слово свое вождь держит крепко. Главное, чтобы он его дал. А вот давать слово Гихард не торопился.

— Бешеный Алан, — начал Ведмедь, когда они, сытно пообедав, откинулись на подушки в шатре горца. Хотя в замке и хватало комнат, игуши предпочитали спать в собственных шатрах. — Тебе не приглянулась ни одна из моих дочерей?

Опять двадцать пять! Две девушки с улыбками смотрели на конта. Симпатичные, но...

— Гихард, давай говорить о делах. — Конт протянул одной из девушек руку, и она пересела к нему поближе. Алан улыбнулся. — Почему ты хочешь пойти со мной?

— Вождь приказал. Ты сильный, большой, красивый. Дети от тебя будут здоровыми.

Иверт что-то быстро заговорил на своем наречии. Девушка вскочила на ноги и вместе с сестрой выбежала из шатра. Интересно, что он им сказал?

— Я все понял, Бешеный Алан. Больше не буду тебе предлагать в жены своих дочерей. А теперь давай перейдем к решению наших вопросов. — Ведмедь бросил на Иверта недовольный взгляд, но телохранитель конта его проигнорировал.

Виктория отправила Берта за Туром и братом Взывающим. Они лучше ее знали положение дел в стране. Когда в шатре собрались все заинтересованные стороны, начался торг. Виктория хотела иметь долю с добычи соли. Что бы там игуши ни думали, а это были ее земли, и упускать свою выгоду она не собиралась. На себя она брала доставку соли на рынки континента. Взывающий пообещал помочь наладить связи с торговцами. А еще у Виктории имелся корабль, который достался Алану Валлиду как трофей. Капитана корабля вздернули на замковых воротах, а хозяин повесился в своей комнате не без помощи Искореняющего, и его собственность стала собственностью конта. Небольшое парусно-весельное одномачтовое судно с высокими бортами. На таких судах местные перевозили грузы и рабов. Как пояснил Алвис, эти суда использовали в неглубоких водах, в основном они плавали вдоль побережья, где проходили быстрые теплые течения. Обслуживало такое судно всего двенадцать человек. Даже вместе с грузом посадка корабля составляла не более двух с половиной метров. Именно на нем ушел Искореняющий, но моряки, которых здесь называли

«морские люди», обещали вернуться через десятницу. С ними ушел десяток воинов маркиза. Для гарантии их возвращения. Впрочем, после тесного общения с Дланью те из моряков, которые остались живы, приняли руку конта и принесли ему клятву верности, изрядно подкрепленную золотом. Виктория была человеком двадцать первого века и не верила в клятвы, даже если залогом их выполнения являлась жизнь близких. Тем более что половина матросов оказалась рабами. Она считала, что клятвы клятвами, а жалованье не помешает. После такого бывший боцман, а ныне капитан корабля, проникся к конту большим уважением и даже предложил неплохой план обогащения. Но об этом пока говорить было рано, требовалось дожидаться моряков и посмотреть, как они выполняют ее первое задание, а пока следовало поторговаться с горцами.

Алан повернулся к ксену и вопросительно поднял брови.

— Мы сами будем продавать соль, через своих людей. Кроме соли мы можем продавать лошадей, меха, жемчуг, раковины и древесину. — Вызывающий наклонился к Гихарду. — Пополам!

— Но мои люди будут для этого работать. А что будут делать ваши?

— А наши будут это доставлять, охранять в пути, продавать, договариваться, платить подати, закупать то, что нужно здесь, на фронтире, — брызгал слюной Турид, загибая пальцы перед носом Ведмеда. — По какой цене ты продаешь жемчуг?

— По весу серебра.

Виктория видела местные весы. Ничем не отличались от земных аптечных. В одну чашу складывали жемчуг, а в другую серебряные монеты. Полновесная серебряная монета здесь весит около двадцати грамм, но сколько в ней чистого серебра, а сколько примесей, она не знала. Насколько Виктория помнила из истории, у Екатерины II были бусы из тридцати черных жемчужин. Крупных. Самая большая из них весила около четырех грамм. Здесь жемчуг водился некрупный, но очень чистый. Пусть три грамма. Выходит, за одну серебряную монету продавали около семи жемчужин.

— А сколько стоит жемчуг в королевстве? — повернулся конт к Вызывающему.

— Вот! — поднял палец брат Турид. — Верный вопрос! Жемчуг дороже алмаза. Серьги с белым жемчугом стоят от трех до пяти золотых, а с голубым доходит и до десяти.

— Отчего так дорого? — удивилась Виктория.

— Кир Алан, — укоризненно покачал головой ксен, — вам не помешало бы поговорить с мастером Семоном.

— Иногда ты мне кажешься очень тупым, Алан-балан. Поэтому что раковины сулейматов живут только в нескольких местах. Возле наших островов и здесь, — раздался голос Оськи. Шут тихонько сидел у порога и внимательно прислушивался к разговору. — Они любят течения, соль и свет. В других местах их слезы маленькие и неровные.

— А еще никто не станет торговать с горцами. Их представители не входят в цеха ювелиров, не платят торговую пошлину и не являются гражданами королевства. Официально горцев не существует. Их земли номинально входят в состав нашего королевства, но сами игуши об этом не знают, — добавил брат Взывающий, пристально глядя на Ведмеда. Тому эти слова не понравились, но он кивнул, соглашаясь с ксеном.

Известие о ценах на украшения с жемчугом выбило Гихарда из равновесия, он поклялся выпустить кишки перекупщикам и развесить их на деревьях. Но зато согласился наконец-то на половину прибыли. Так как горцы не доверяли бумаге, договор скрепили клятвами и откровенными намеками на союзный брак, о чем конт Алан торжественно пообещал подумать. А еще договорились, что люди Гихарда, как и люди Гривастого Волка, могут останавливаться в Осколке и использовать бухту для выхода в море. За что они должны будут патрулировать окрестности. Когда об этом сообщили наместнику, Серый нахмурился, но возражать не стал. Он сам хотел просить помощи у горцев, пока численность гарнизона не дойдет до положенных пятидесяти человек, хотя игушам не доверял, особенно Ведмедю. Если Сарха сдерживал долг крови, то рычагов давления на Гихарда у конта не было. Поэтому Серый, испросив у Алана разрешение привлекать рабов и весчан, спешил набрать людей и начать обучение. Через день за стенами Осколка уже красовалась полоса препятствий и Оська давал концерт первым мученикам.

Посоветовавшись с Рэем и Сархом, Виктория решила сделать Осколок своей летней резиденцией. Она собрала местных мастеров и отправила их в Кровь, чтобы они на месте посмотрели, что именно хочет увидеть в своих покоях к холодам новый владетель. С ними на подводах уехали некоторые рабы,

нуждавшиеся в помощи друиды и связанная Олика. Остальных рабов загнали в баню, потому что ксен заявил, что такого количества вшей он никогда не видел. Виктория приказала безжалостно всех обрить и обработать настойками трав от паразитов, затем велела раздать новую одежду из сундуков барона, а старую сжечь, вымыть кипятком барак и набить матрасы свежей соломой. А всю постель прокипятить. Рабов у Кайрата было немного. Всего двадцать три человека, в основном мужчины и молоденькие девушки. Они сказали, что господин продал большую часть рабов, оставив лишь тех, кто работал в доме и обслуживал наемников.

Наконец, отдав последние распоряжения, они выехали в Кровь. На душе было беспокойно, словно Виктория забыла сделать нечто важное. Не доверяла она горцам, поэтому оставила в Осколке десяток своих воинов, доведя численность боеспособного гарнизона до тридцати человек. Да еще в приватной беседе с Серым посоветовала капитану держать горцев за стенами, пускать внутрь только вождей с домочадцами, да и за ними внимательно следить.

Виктория ехала в двуколке, только на этот раз в нее запрягли нормальную лошадь. «Пора усовершенствовать рессоры», — подумала она, в очередной раз подпрыгнув на ухабе.

— Эй, Бешеный Алан, — к ней подъехал Иверт. — Если ты сможешь немного подняться в гору, я покажу тебе что-то интересное.

Что-то интересное — это интересно. Виктория осторожно спустилась на землю. Тут же подскочил Берт, подставил плечо. Рэй, недовольно сопя, шагал рядом. Они медленно поднялись метров на сто, и вдруг идущий впереди Иверт просто исчез.

— Куда этого жабьего сына Вадий утащил? — растерянно произнес Рэй и по привычке потянулся за пазуху за очередной морковкой.

Иверт выскочил из-под земли, словно черт из табакерки. Он довольно лыбился, обнажив белоснежные зубы, при этом его зеленые глаза хитро блестели.

— Молчун Рэй, помоги конту спуститься, — и горец вновь исчез под землей.

Только подойдя ближе, они увидели в скалах узкий проход, закрытый высоким папоротником. Зря Иверт просил капитана помочь своему господину спуститься, Рэй в проход не про-

лез. Плечи застряли. Зато худощавый Берт и отощавший после болезни конт проскользнули внутрь словно два ужа.

Внутри их ждал Иверт с горящим факелом в руках, он провел мужчин по узкому проходу, спускающемуся вниз, и вывел в маленькую полузасыпанную пещерку.

— Смотри, Бешеный Алан, рисунки предков, — Иверт поднял факел выше.

Сначала Виктория ничего не увидела, но горец поднес факел к стене, и она чуть не заорала. На каменной стене было вырезано схематичное изображение города. Высотные дома, широкие улицы, по которым ехали автомобили, люди, одетые в брючные костюмы, по небу летел самолет, а вдалеке расцветал гриб ядерного взрыва. Лазерный резак?

— Эй, еще смотри, что мы откопали. — Иверт легонько стукнул конту по плечу, указывая в сторону.

В каменной стене была выдолблена ниша, а в ней лежала немного деформированная, но целая пластиковая бутылка! «Время разложения от пятисот до тысячи лет», — вспомнила Виктория. Когда же произошла катастрофа на этой планете? Она дрожащими пальцами провела по пластику и осторожно взяла бутылку в руки. Такая обычная там и такая чуждая здесь.

— Мы нашли эту пещеру, когда были детьми, она открылась после очередного оползня, — проговорил Иверт, внимательно наблюдая за контом. — Здесь обнаружилось много интересного. Стекланные сосуды странной формы, куски неизвестного нам материала, прочного и негнущегося. Мы решили ничего не говорить взрослым. Но потом произошел очередной обвал, и половину пещеры засыпало. Ты знаешь, что это?

— Пластик, — прошептал Алан по-русски, осторожно кладя бутылку на место. — Берт, возьми рабов, раскопайте завал. Я хочу, чтобы вы нашли все, что засыпано землей!

— Сделает, — задумчиво покачал головой Иверт, глянув на ошарашенного Берта, рассматривающего картину на стене. — Когда ты сможешь много и долго ходить, я отвезу тебя в Город древних. Там есть такое, — ткнул он пальцем в рисунок на стене, указывая на памятник, изображающий какую-то абстракцию.

— Обязательно. — И тут Виктория вспомнила. — Иверт, а что ты сказал дочерям Ведмеда?

— Что у Бешеного Алана тоже есть сердце и это оскорбление — предлагать ему роль жеребца вместо любви. Что женщины ведут себя как равнинные шлюхи, пытаясь соблазнить мужчину моей сестры.

Остальной путь они проделали молча. Виктория пребывала в шоке от увиденного и не замечала настороженных и задумчивых взглядов, которые бросал на нее горец.

— Конт! Конт вернулся!

Крик часового вызвал в душе бурю эмоций. Дома. Наконец-то она дома.

Встречать конта вышли все жители Крови. По крайней мере, именно так показалось Виктории. Но первой к конту подбежала Светика. Она с плачем кинулась на шею Алана и со всей присущей ей непосредственностью запричитала:

— Живой! А мы же не верили! Думали, пропал наш господин! Сгинул во вражьей пасти! Чтоб их Ирий светлый проклял да Вадию на суд отдал! А Нанни как жалко-о-о! Но, слава Ирию, вы живой!

— Светика, отпусти кира Алана. — Берт потянул девушку за плечи.

— Бертушка! — Она наконец-то перестала обливаться рубашку конта слезами и переключилась на Берта. — Бертушка! Сиротинушка! Я так волновалась! Как же ты теперь будешь без матушки? Кто приласкает, пожалеет?

После такого бурного проявления чувств вновь нахлынула тоска по Нанни. «Светике плакальщицей надо работать», — подумала Виктория и нашла взглядом друиду. Ворожея улыбнулась одними глазами и махнула конту рукой в сторону пристройки.

— Пойдем, я тебя осмотрю.

Женщина развернулась и пошла, ничуть не сомневаясь, что конт последует за ней. И Алан последовал. Предварительно отдав Берту и Иверту короткие приказы. Здесь и без него разберутся. Рэй уже выслушивал доклад одного из десятников, Тур и Дарен исчезли сразу, едва успели слезть с лошадей, рабы разбирали багаж, им помогали слуги, у повозок раздавался зычный голос Райки, командующей разгрузкой телеги с рыбой и вином.

В комнате друиды пахло травами и мужчиной. Она заперла за Аланом двери и коротко приказала:

— Раздевайся.

— Я тоже по тебе соскучился, — улыбнулся конт, неуклюже стягивая рубаху. — Знаешь, я решил выделить тебе флигель под лечебницу. Оборудуем там большой хороший кабинет и лабораторию. В одной комнате будешь жить сама, а в другой сделаем комнату для больных. Разгородим занавесками, поставим несколько кроватей. Хватит тебе здесь с Саникой уютиться.

— Хочешь привязать меня к Крови, конт? — хмыкнула ворожея, внимательно ощупывая и осматривая раны и следы ожогов. — Шрам на груди останется, — недовольно пробурчала она. — Повернись спиной, гляну, что там под повязкой. А ты пока рассказывай.

И Виктория рассказала. Почти все.

— Выходит, они за Нанни охотились? А она им не сказала то, что они хотели. А твоя любовница выдала им Нанни! — жестко закончила друида, надавив на рану от стрелы.

— Ой!

— Гноя нет, — тихо произнесла женщина, намазывая плечо знакомой уже конту зеленой мазью и туго забинтовывая чистыми тряпками. — Какое слово она перед смертью сказала?

— Чупачурик.

— Никогда о таком звере не слышала. Но я поспрашиваю у своих. А Олике твоей люди самосуд устроили. Зря ты ее одну отправил, без охраны. Серый, как за Райкой приезжал, рассказал правду, ничего не утаил. Зол он был. И про смерть Нанни мученическую, и про вину твоей полюбовницы, и про муки, что тебе пришлось из-за ее предательства перенести. Вот люди и осерчали. Любят тебя, конт.

— Интересно, за что? — усмехнулся Алан.

— Вот и я себе такой вопрос задаю. Одевайся.

Пока конт одевался, друида рассказала новости.

— Дочь твоя дурная сбежала в свою веску на следующий день после того, как ее привезли, но мать привела девочку назад. Весчанка просила, чтобы простил глупую девочку, которая не понимает своего счастья, что бы тебе ни говорили. Ваську пока поселили в комнате Тура, служанку к ней приставили из рабынь. Ревет, дуреха, все время. Совсем дикая. Рыжая кобыла ожеребилась. Конька родила. Симпатичного и здорового. Еще — рабыня брюхата. Прятали ее до сих пор от тебя, боятся все еще. Помнят, как ты приказал матери удавить своего ребенка. Прости. Знаю, что это был не ты. Но теперь спрятать ра-

быню не удастся, рожать ей на днях. Тоже ревет с утра до ночи, поговорил бы ты с ней, конт. Девка-то хорошая, работающая, красивая. Вот думаю, не ты ли ее обрюхатил? Саника учится. Спина у него подзажила, толковый мужик, может, в мужья взять? А, конт, что скажешь?

Виктория усмехнулась: можно подумать, друиде нужно одобрение конта.

— Что с Оликой? Насмерть забили?

— Светика не дала. Хотя первая в волосы ей вцепилась. Да только, когда камни в ход пошли, встала на защиту. Сказала, что ты не одобришь самосуда. Будет из девки толк. Только смотри, конт, не испорти ей жизнь.

— Даже в мыслях не было, — возмутился Алан, поворачиваясь к друиду, чтобы она помогла зашнуровать рубаху.

— Она же по тебе сохнет, а любовь — штука коварная, конт. Горит у девок от любви и свербит в одном месте. Гляди. И что бабы в тебе находят? Худющий, один нос торчит! — Ворожея завязала тесемки и повязала на талии мужчины пояс владельца.

— Я обаятельный. Но спасибо, что предупредила. Я думал, она в Берга влюблена. Пошли, ворожея, Олику судить будем.

— Повесить, да и весь сказ, — буркнула друида и подозрительно уставилась на конта, даже руки в бока уперла. — Уж не хочешь ли ты и эту ... помиловать?

— Не хочу, — серьезно глядя ей в глаза, ответил Алан. — Саника покушался всего лишь на мою жизнь, а эта тварь убила мою Нанни. Такое я никому не прощу.

Двор был заполнен людьми. Конт при помощи Берта поднялся на помост, слуга надел ему на шею золотой герб владельца и тихо отошел в сторонку. Друида, Иверт и Рэй стали за спиной. От них исходила мощная волна поддержки, которую Виктория ощущала каждой клеткой кожи. Двое воинов приволокли Олику и бросили под ноги конту. Виктория смотрела на первую красавицу Крови и не испытывала ни капли сострадания. Опухшее расцарапанное лицо, изодранная одежда, через которую виднелись синяки и кровоточащие раны, сбитые колени и локти.

— Пощады! — высоким визгливым голосом закричала она, поднимая к конту избитое лицо. — Это не я! Это барон! Меня оклеветали! Я люблю вас, кир Алан! Всегда любила! — Жен-

щина подползла к конту и обхватила руками его колени. — Разве нам было плохо вместе? Я только вас люблю. Только вас.

— Уберите ее, — брезгливо произнес Алан.

— Нет! — продолжала кричать и извиваться Олика, когда двое воинов привязали ее к длинной скамье, на которой недавно корчился под кнутом Саника. — Нет! Пощады! Меня оклеветали! Люди! Люди, поверьте!

Палач всунул ей в рот кляп и повернулся к конту, тот поблагодарил мужчину кивком головы. Слушать эти вопли было невыносимо, Виктория боялась дать слабину. Она окинула взглядом людей, ища в лицах жалости или сострадания. Литина с Дареном и Туром стояла в стороне, увидев взгляд бывшего мужа, она слегка кивнула, подбадривая и одобряя. Несколько женщин плакали, парочка мужиков смотрела на Олику с сожалением, остальные же стояли хмурой молчаливой толпой. На пороге кухни, сложив на груди руки, застыла Райка, и в ее взгляде пылала такая ненависть, что Виктория порадовалась, что не ее ненавидят столь сильно.

— Начинай, — кивнул Алан Рэю.

Капитан вышел вперед, достал из кармана лист бумаги и своим низким раскатистым голосом произнес:

— У меня тут допросный лист барона Кайрата Линя, подписанный братом Искореняющим. В нем написано, что Олика всегда служила барону. Следила, значит, за нашим контом, докладывала обо всем, что он делает. Спала с ним по приказу барона. А еще здесь написано, что это она рассказала врагам, когда и куда собирается кир Алан и сколько с ним будет воинов. Из-за нее погибли наши бойцы, из-за ее предательства наш господин попал в плен и перенес пытки. Она же привела к барону Нанни. Я прошу смерти для этой девицы!

— Я требую смерти для предательницы, — выступила вперед ворожея. — Я вижу, что боги отвернулись от нее, а нам негоже идти против их воли. Что скажешь, брат Взывающий?

Из толпы вышел ксен. Уставший, еще больше похудевший, но с прямой спиной и решительным блеском в глазах.

— Она ведь не только кира Алана под смерть подвела, она и его сына продала. Боги спасли детей, а ведь даже страшно подумать, что с ними могли сделать заговорщики, через какие муки провести. Ирий учит нас быть добрыми к детям,

Олика пренебрегла его заповедями. Смерть. Без пощады, — тихо, но отчетливо произнес он. — Я буду взывать к Вадию за ее душу.

Так уж сложилось: после первого суда, проведенного Аланом в качестве владетеля, эти трое стали исполнять роль приносящих, и Виктория не собиралась менять правила.

— Да будет так. Удавить, а труп сжечь.

Палач набросил на шею Олики петлю удавки. Виктория смотрела, как дергаются ноги бывшей любовницы ее реципиента, и не испытывала ничего. Ни сожаления, ни жалости, ни сочувствия. Ничего. Кем же ты становишься, Виктория Викторовна Вавилова? И сама себе жестко ответила: «Контом Аланом Валидом. Как сказал ксен? Без пощады!»

Без пощады!

— Берт, скажи Райке, чтобы подала в кабинет вина и сыра, и приведи баронессу Василию. Пора мне познакомиться со своей дочерью.

ГЛАВА 2

Пришел на суд богов ватажник и убийца,
и не увидел Вадий в нем доброты и веры,
и назначил ему наказание, но брат его остановил.
Посмотрел Ирий на дух ватажника,
и почувствовал разбойник стыд от взгляда его кроткого,
и понял он, что жизнь вел неправильную.
И раскаялся, и стал первым среди служителей.

XX Песнь Жития

Виктория аккуратно отмерила пять капель зелья, разбавила их водой и выпила, с благодарностью вспомнив Алвиса. Этот пузырек был из ее личных запасов, и она пользовалась им только в особых случаях, когда боль становилась слишком сильной. Не хотелось пугать Рэя, который мог запереть конта в спальне, привязав к кровати для его же блага. Настойка снимала боль почти моментально, но после нее притуплялись все чувства, и хотелось спать, поэтому она старалась пить ее только на ночь.

Виктория сидела за столом и просматривала списки, которые принес Саника. Раб, одетый в новые штаны и рубашку, по

привычке опустил на корточки у стены. В списках мастера проставили цены на каждого раба и суммы предлагаемого вознаграждения.

— Скажи Светике, чтобы принесла хозяйственные книги, они в сундуках у Нанни.

Виктория хотела сравнить цены на рабов в момент покупки и сегодня. В дверь постучали, зашла Райка с подносом. Она выставила тарелки на стол, но не ушла. Виктория подняла на кухарку глаза.

— Вы не должны себя винить, — нехотя произнесла женщина. — Олика заслужила лютой смерти.

— Райка, — конт с удивлением посмотрел на повариху, — скажи мне, отчего ты решила, что я расстроюсь?

— Ну, она же... спала с вами, — тихо произнесла Райка. — Я подумала, что, может, ну... если нет, то я пойду?

Она дождалась кивка конта и вышла из комнаты. Виктория задумчиво отпила из бокала, прислушиваясь к ощущениям. Ни капли сожаления, угрызений совести, печали или злобной радости. Слово не человека только что лишили жизни по ее приказу, а курицу зарезали. Абсолютное безразличие. Это немного пугало, но только немного.

Она успела съесть бутерброд и запить его слабым кислым вином к тому моменту, когда вернулся Саника в сопровождении Светики и крепкой черноволосой девочки с зареванными глазами. Следом в комнату юркнул Тур и, склонившись к уху конта, зашептал по-русски:

— Иди, новый ксен.

— Пришел, — поправил Алан. — Приставь к нему мальчишку. И вели Берту приготовить мыльню.

Тур кивнул и выскользнул из помещения, бросив на девочку недовольный взгляд. Она зыркнула на него исподлобья и уставилась в окно. Ну да, какая из нее баронесса? От отца она взяла лишь цвет волос. Простое лицо, серые глаза, ровные волосы, собранные в косу и покрытые по-крестьянски завязанным сзади платком. Виктория с любопытством рассматривала девочку и с ужасом понимала, что не испытывает к ней никаких чувств. Если Тур и Ольт моментально пробудили у нее материнские инстинкты, Дарена она приняла сразу и безоговорочно, то эта девочка с колючим взглядом показалась ей абсолютно чужой. Сложно будет. Виктория чувствовала, что никогда не сможет полюбить этого ребенка. Поднялась злость

на Алвиса, который столь безапелляционно вторгся в жизнь крестьянской семьи. Не спросив у девочки желаний, круто изменил ее судьбу и даже не задумался, сможет ли этот ребенок принять такие перемены.

— Кирена Василия, вы завтракали?

— Мое имя Дашка! — с вызовом ответила девочка. — И никакая я тебе не кирена! И есть твой хлеб я не буду!

Громко ахнула Светика, зажав рот ладошкой.

— Сколько тебе лет? — спокойно глядя на девочку, спросил Алан.

— Девять, — буркнула Дашка.

Ну вообще! Это в каком возрасте реципиент начал девок портить? Неудивительно, что Дарен и Дашка практически ровесники. Видать, господин юношеский пыл в штанах удержать не мог, вот и детей настругал больше чем надо. Сексуальный маньяк!

— Садись и жди, пока я закончу дела, затем поговорим. — Конт, не обращая больше внимания на дочь, погрузился в записи.

Нынешние цены на рабов были значительно выше, чем при покупке. Но так как Виктория не собиралась их продавать, то никакой выгоды это ей не сулило. Она поманила к себе Санику, и они еще полрыски обсуждали, кому и до какого предела можно снизить выкупы. Наконец и этот вопрос был решен.

— Объяви рабам мое решение. — Виктория откинулась на стуле. Давали о себе знать раны и усталость после дороги. Больше всего сейчас хотелось завалиться в постель.

— Хозяин, можно вопрос? — тихо спросил раб, когда они закончили и Светика ушла, чтобы спрятать в сундук книги. Конт кивнул. — У меня будет шанс выкупиться?

— Я подумаю. — Алан внимательно посмотрел на Санику. — А что ты станешь делать, когда получишь свободу?

— Женюсь на друиде, если она согласится, — не задумываясь, ответил мужчина. Видно, давно для себя это решил. — Она меня спасла, да и женщина хорошая.

Виктория улыбнулась.

— Думаю, у тебя будет такой шанс. Как продвигается строительство деревни за стенами замка?

— Три сруба уже поставили. Название надо бы дать, — чуть улыбнулся одними губами раб.

— А что тут думать? Свобода. Веска Свобода.

Когда Саника ушел, конт повернулся к дочери:

— И что мне с тобой делать?

— Я все равно сбегу. Не буду жить в этом доме! — выпалила девочка.

— Ты ведь знаешь, что, выйдя замуж за барона, ты стала баронессой. Ты знаешь, кто такие бароны? — Виктория пыталась говорить спокойно, но в груди потихоньку начинало расти раздражение.

Девочка неуверенно кивнула:

— Мне ксен рассказывал. Тот, что обряд проводил.

— Твой муж умер, и теперь ты вдова. Подумай, ты станешь жить в замке, тебе не придется работать в поле и по дому. У тебя будут слуги, учителя, а когда вырастешь, сможешь найти себе достойного богатого жениха. Разве тебе не хочется иметь украшения, красивые платья, собственного коня, брата?

— У меня есть брат! — выкрикнула девочка. — И мама, и папа! Они меня любят и ждут! А тебя я ненавижу! — Она вдруг опустила на колени и заплакала. — Отпусти меня, хозяин, Ирием умоляю!

Виктория смотрела на рыдающую девочку и понимала, что не сможет удержать ее в замке. Да и не захочет.

— Светика, пригласи ксена. И принеси золотой для моей дочери.

Брат Турид пришел быстро, вник в проблему и, подумав несколько минут, выдал решение. На один год Василия возвратится к матери. Весь этот год она будет обучаться у местного ксена грамоте, а на праздники приезжать в Кровь. Через год станет ясно, как девочке жить дальше. Еще полчаса потребовалось на составление письма Слушающему, и через рыску счастливую Дашку с мешком, в котором лежали нарядные платья и обувь, двое воинов под осуждающие и непонимающие взгляды слуг повезли домой. Виктория вздохнула с облегчением и зареклась разыскивать дочерей.

— Через день назад привезут, побоятся, что через год вы ее не захотите забрать, — буркнул Рэй, догрызая морковку. Они стояли на замковой стене и смотрели вслед всадникам. — Ее мать как узнала, что вы девчонку признали, от счастья три свечи Ирию поставила.

— Откуда знаешь? — поинтересовался конт.

— Слушающий в донесении написал. Они теперь раз в десятидневку доклады шлют о делах в весках. Пишут нашему ксену, а он уже мне дает читать.

— Это хорошо, — кивнул конт, задумчиво глядя вдаль. — Но будем надеяться, что золото, которое я ей дал, примирит ее мать с действительностью.

Иверт и Рэй скептически переглянулись.

— Бешеный Алан, помнится, хотел женить Тура на своей дочери, — усмехнулся Иверт, весело косясь на секретаря.

Дарен и Тур, перегнувшись через парапет, пытались что-то высмотреть внизу.

— Вот еще! Тура женить на этой плаксе! — возмутился Дарен, поворачиваясь к игушу. — И вообще, Тур обещал, что он женится на дочке папы и Зиры!

Сначала Виктория не поняла, отчего все замолчали и уставились на конта с различной степенью заинтересованности. Дарен с надеждой, Тур чуть испуганно, Рэй напряженно, а Иверт весело.

— Что?

— Папа, брат Искореняющий сказал мне, что Зира носит твоего ребенка, — тоном «папа, ты тупой» сообщил Дарен, бросая на землю камешек и не замечая, что все смотрят на него. — А Тур сказал, что если это будет девочка, то он на ней женится! — пояснил он. — Ты ведь разрешишь?

Все дружно перевели взгляды на конта. А Виктория вдруг поняла, что ноги ее не держат. Она медленно села на камень. Зира беременна. Но как такое может быть? Они ведь всего один раз. И почему она ничего не сказала? Даже не намекнула? Пришла, просидела с Аланом всю ночь и даже не сказала! Почему? Не хочет, чтобы конт знал? Боится, что он заберет ребенка? Не уверена, что он обрадуется? Но разве Алан давал повод так о себе думать? Или просто не хочет навязываться? И конт ей не нужен, а нужен лишь его ребенок? Почему-то последняя мысль вызвала горькую обиду.

— Кир Алан? — Рэй смотрел с тревогой.

— Иверт, это правда? — требовательно спросил конт, пристально глядя в глаза игуша. В такие же зеленые глаза, как и у его сестры. Горец кивнул. — Но почему она мне не сказала? — Голос конта прозвучал слегка обиженно.

Иверт присел напротив и, протянув руку, вытащил из-за пазухи конта Валлида серебряную ласку.

— Бешеный Алан, сестра дала тебе свой знак. А это означает, что она назвала тебя отцом своего ребенка. Она все тебе сказала, но ты не понял.

— А у тебя три разных зверушки, — наябедничал Дарен. — Я видел, когда ты пришел в веску.

— Эй, их уже нет, — пожал плечами горец, поднимаясь и отходя в сторону. — Я вернул их женщинам, когда они решили взять себе мужей. Теперь мои дети других называют папой.

— А тебя это не задевает? — с любопытством поинтересовался Рэй, вытаскивая из-за пазухи очередную морковь.

— Я не готов заводить семью, — весело оскалился Иверт. — Я вольный ветер. Но в трех племенах я посеял свое семя, — гордо добавил он.

Сеятель, елки-моталки! Виктория прислушалась к себе. Слова телохранителя не вызвали в ее душе ревности. А вот известие о беременности Зиры шокировало. В голове никак не укладывалось, что она будет папой. Папой! У нее будет ребенок, но этого ребенка выносит не она, а другая женщина. Бред какой-то!

— Оставьте меня.

Черт! Папа! Она повторила слово вслух, покатила его на языке. Вспомнила, как муж радостно подхватил ее на руки, когда узнал о первой беременности. Нахлынули другие воспоминания. Утренний токсикоз, сентиментальность, плаксивость и первый удар ребенка. Живот, мешающий наклониться, муж, нежно целующий выпирающие в самых неожиданных местах пятки, локти, коленки малыша. Усталость и счастье, когда на грудь положили маленький розовый комочек...

...И горький стыд за свое поведение во время последней встречи с Зирой. Что она подумала о конте? Захочет ли такого отца ребенку? Им нужно поговорить. Обязательно поговорить. Как она видит будущее? Сможет ли жить здесь, в Крови, вдали от своего племени? Нужно разобраться в своих чувствах. Сейчас Виктория была растеряна, но, когда она представляла маленького зеленоглазого малыша, похожего на Иверта, у нее теплело на сердце и в душе разливалась нежность. Она видела этого ребенка в своих мыслях, держала его на руках и уже любила. Возможно, конт Алан сумеет полюбить женщину с такими знакомыми и родными зелеными глазами? А если не су-

меет, то все равно попытается быть ей другом или мужем, как она решит. Ради их малыша.

— Бешеный Алан, — горец подошел неслышно. — Здесь холодный ветер. Друида велела тебе идти в дом. Рана может воспалиться.

Алан повернулся к игушу и широко улыбнулся.

— Иверт, знаешь, я счастлив.

Горец подошел к конту и крепко его обнял, прижав к себе.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Я рад за тебя, Бешеный Алан. Твое сердце кровоточит, но ребенок сможет его вылечить. — Он отстранился, не убирая с плеч конта рук, и грустно добавил: — А я нет.

Она все поняла и словно услышала, как с громким звоном разлетаются осколки нелепых, ненужных, наивных мечтаний. Та малость, что еще оставалась в ее душе, поддерживая крохи надежды на счастье.

Со стены они спускались в полном молчании. Внизу их ждал брат Турид, возле которого маячила долговязая фигура в сером балахоне. Ксен сделал решительный шаг к конту, но Иверт загородил ему дорогу, выставив вперед руку.

— Эй, стой! Кир Алан плохо себя чувствует. Все вопросы будут решаться завтра.

Виктория была ему за это благодарна. Она никого не хотела видеть. Никого.

Придя в комнату, не раздеваясь, бросилась ничком на кровать и, зажав зубами угол подушки, беззвучно разрыдалась. Она еще не знала, что это последние слезы печали, пролитые Викторией Викторовой Вавиловой, и больше никогда глаза конта Алана Валлида не наполнятся горестными слезами.

Проснулся конт через несколько часов от тихого шума, доносящегося с улицы. Небо было по-ночному темным и чистым. Слышались вскрики, топот ног, зычный голос Райки, раздающей указания. Алан выглянул за дверь.

— Что происходит?

— Смена патруля и рабыня рожает, — отрапортовал воин, несший вахту в коридоре.

Спать не хотелось, в голове роились непрошенные воспоминания. Теперь ей была понятна сдержанность и отстраненность Иверта, его безликость и молчаливость. Игуш знал, знал и давал Алану шанс перебороть свою пагубную страсть. Нахо-

даться наедине со своей памятью было невыносимо, и она решила прогуляться. Тренироваться еще не пришло время, но просто пройтись по улице, подышать воздухом, упорядочить мысли — показалось неплохой идеей.

Когда к ней присоединился Иверт, она даже не заметила. Горец, широко зевая, просто возник за спиной, и все.

— Ты что, собираешься постоянно таскаться за мной? — недовольно пробурчал Алан.

— Я твой телохранитель, — просто ответил Иверт и опять зевнул.

«Идиот», — беззлобно подумала Виктория, направляясь в сторону кухни. Райка громыхала ведрами, вокруг нее суетились несколько женщин. Они рвали на полосы ткань, наливали теплую воду в ведра, которую тут же уносили двое подростков в рабской одежде.

— Что у вас здесь за суматоха? — поинтересовался Алан, вызвав своим появлением изрядный переполох.

Райка откинула со лба прядь волос.

— Рабыня никак разродиться не может. Ребенок боком идет, — вздохнула она. — Друида уже несколько рысок возится с нею. Видать, помрет девка.

— А где они?

Что-то в душе щелкнуло и заболело. Виктория живо представила боль, усталость и безнадежную обреченность молодой женщины. Слишком хорошо помнила ее женская суть эти ощущения.

Друиду они нашли в бараке, в закутке, отгороженном одеялами. Она склонилась над стонущей женщиной и не сразу увидела вошедшего конта.

— Что скажешь? — тихо спросил Алан, бросая быстрый взгляд на окровавленное полотенце, валяющееся в углу.

— На все воля Ирия, — устало произнесла ворожея. — Я пробовала развернуть ребенка, но ничего не вышло. Беда.

— А если подрезать?

— Не пройдет. Плохо лежит.

Рабыня застонала, по ее щекам текли слезы. Совсем молоденькая. Измученная, с прокушенными до крови, покрытыми коркой губами, горящими щеками и безнадежным взглядом. Виктория представила на ее месте Зиру и поняла, что если ничего сейчас не предпримет, то никогда себе этого не простит.

— Больше света. Много воды. Чистые тряпки. Одеяла, — холодная решимость наполнила разум. Как же это страшно, бояться за того, кто тебе дорог. — Иверт, мне нужен острый нож. Очень острый нож. Прокали его на огне. Ворожея, приготовь иглы, чтобы накладывать швы, но вместо нитей вставь жилы. Я видел, у тебя есть такие. Только вымочи их в кипящей воде или в крепком вине. И дай девочке что-нибудь дурманящее.

— Я помогу, — раздался спокойный голос Иверта за спиной.

Друида внимательно посмотрела на конта, но ничего не сказала и через минуту уверенным голосом раздавала указания. Алан присел возле несчастной роженицы.

— Я не уверен, что вы с ребенком останетесь живы, но мы попробуем спасти тебя, — глядя в заплаканные глаза, твердо и честно произнес он. — Я разрежу живот и достану младенца. Потом мы зашьем разрез, и через десятницу ты сможешь ходить. Но рожать больше не сможешь. Ты меня понимаешь? — Женщина кивнула. — Так у тебя есть шанс выжить, если мы этого не сделаем, шанса не будет.

— Не бойся, красавица. В наших селениях так часто делают, и почти всегда получается, — весело произнес Иверт, и в глазах рабыни мелькнула надежда.

Они вышли на улицу, чтобы вымыть руки и повязать на головы косынки. Не хватало еще, чтобы в животе у женщины остались волосы. Их встретил хмурый Саника с полотенцем в руках.

— Хозяин, если что-то понадобится, крикните. Мы все здесь.

Конт кивнул и повернулся к горцу.

— У вас делают такие операции женщинам? — поинтересовался он.

— Лошадям, — улыбнулся игуш. — Но какая разница?

Действительно, какая разница. Честно говоря, Виктория не верила в успешный исход этой авантюры. Все ее знания о кесаревом сечении были почерпнуты из статей в толстом медицинском справочнике, который она изучила, когда ее средний сын вдруг решил обмотать вокруг ножки пуповину и ей предложили операцию. Но не попробовать она не могла. Если есть хоть один шанс, его нужно использовать.

Друида напоила женщину какой-то настойкой, и та находилась в полузабытьи, но все равно ее крепко привязали к ска-

мье, и Алан взял в руки нож. Ворожея быстро помыла живот роженицы мыльным раствором, затем протерла тряпкой, смоченной в медовой воде. Самое страшное — поранить ребенка. «Господи, помоги!» — Конт размахисто перекрестился, провел ножом по натянутому животу и едва не отскочил испуганно, когда кожа разошлась, словно лопнула шкурка у перезревшего плода, открывая брюшные мышцы.

— Сейчас, — пробормотал Иверт и полез руками в живот. — Сейчас раздвину.

Он с трудом развел в стороны мышцы, и друида тут же указала пальцем в то место, где, по ее мнению, нужно было сделать разрез. Алан осторожно проткнул матку, хлынула мутная жидкость с очень неприятным запахом. Друида чуть отодвинула конта в сторону и, крикнув что-то Иверту на языке горцев, расширила пальцами разрез, Алан помог, а ворожея уже доставала ребенка.

— Место достань! — гаркнула она конту, переворачивая младенца вниз головой и оглушительно шлепая его по спине. — Эй, кто-нибудь, перевяжите пуповину!

— Райка! — заорал в ответ конт, с ужасом представляя, что придется засунуть руки внутрь этого. — Забери ребенка! Ворожея, сама доставай! И готовь нити! Иверт, мать твою, что дальше делать надо?

Травница, избавившись от ребенка, споро вытащила из женщины что-то окровавленное и несимпатичное, и Виктория вдруг ощутила тошноту. Блин! Со стороны все это выглядело жутко. Нет, когда станет рожать Зира, все произойдет не так! Все произойдет, как в индийском кино. Красиво, быстро, нежно и чисто! Главное, чтобы у матери не было никаких осложнений.

— Теперь надо убрать кровь и зашить. — Иверт побледнел, по скулам тек пот, и он постоянно вытирал его плечом. — Сначала зашить дырку, потом живот. Что-то мне нехорошо.

— Не вздумай упасть! — крикнул Алан, понимающий, что и сам с удовольствием рухнул бы в обморок. — Друида, главное не занести инфекцию. Ну грязь чтобы в рану не попала.

— Без тебя знаю, — пробурчала женщина, промокнула рану чистыми тряпками и тут же отбросила их на пол. — У меня есть чем обработать. Держи края. Ураган, уברי кровь!

Ох, резать было не так страшно, как придерживать края разреза. Пока ворожея быстро и аккуратно зашивала матку,

Виктория прислушивалась, но детского плача слышно не было. Они даже не посмотрели, кто это — мальчик или девочка. Роженица вскрикнула и дернулась. Иверт тут же навалился окровавленными руками ей на плечи, не давая пошевелиться.

— Терпи, красавица, терпи. Немного осталось, — шептал он, старательно отворачиваясь от живота женщины. — Слушай, отчего так, столько раз видел выпущенные кишки во время боя, и меня ни разу не мутило, а тут едва сдерживаюсь, чтобы не стошнило? — жалким голосом спросил он конта. — У лошадей все не так страшно.

Виктория только хмыкнула. Что бы ты запел, если бы тебе самому пришлось рожать? Мужик! И тут раздался плач ребенка.словно тяжелую плиту сняли с плеч. По крайней мере одного они спасли.

— Мальчик! — закричала с улицы Райка, и ей ответили дружными возгласами. — Беленький и синеглазый!

Фу! Хорошо, что не черненький и темноглазый!

— Слышишь, женщина, ты сына родила, — повернулся к роженице Иверт. — Воина.

Через полрыски они сидели в холодной моечной и тупо пили кислое вино, по очереди передавая друг другу кувшин. У Виктории начался отходняк, руки тряслись так, что трудно было донести кувшин до рта. Она скосилась на Иверта и заметила, что игуша тоже бьет озноб.

— Знаешь, Бешеный Алан, я рад, что родился мужчиной.

Виктория внимательно посмотрела на горца, а затем перевела взгляд на небо, едва виднеющееся в маленьком окошке. Где-то там, среди миллиардов звезд, светило солнце и летела сквозь космос небольшая голубая планета. На той планете жили ее сыновья. А где-то рядом, за перевалом, сейчас спала женщина, которая, быть может, спасет Алана от одиночества. Сегодня ночью Виктория поняла, о чем говорил Ирий. Об окончательном выборе. И это был не выбор пола, она никогда не забудет, что была женщиной, никогда не забудет своих сыновей, мужа, прошлую жизнь. Но она выбрала жизнь здесь, в этом мире. Она выбрала своего еще не родившегося ребенка, который положит начало ее роду, она выбрала ответственность за него и его мать. За своих людей, за свою страну, за свой мир. И если ради этого ей придется стать мужчиной, она им станет!